

К сорока годам Сергей Ольховский стал догадываться, что поиски счастья пора прекратить. Кроме болячек, во второй половине жизни должна была вроде бы прийти какая-то мудрость... Приходить мудрость не спешила, да и расставаться с иллюзиями было непросто.

До сих пор ему иногда снилось детство, снился давно покойный отец. В этих снах все происходило на знакомых улицах — на улицах почти сорокалетней давности. На месте современных новостроек стояли деревянные двухэтажки. Кажется, их строили еще пленные немцы. Редкие автомобили тех времен, «жигули» или «москвичи». Понятно, что и страна называлась по-другому. В этих снах Ольховскому существовалось уютно, и просыпался он с сожалением. Никогда уже не будет ни отца, ни той улицы, не говоря уже о стране... Тех чувств тоже никогда не будет! Это неминуемо и обидно. Не будет еще много чего: первого класса, первого курса. Скорее всего, уже не будет рождения сына. Первых его слов и всего того трогательного, что сопровождает первые годы и шаги ребенка. Первых успехов — они самые яркие, хотя впереди ждут успехи покрупнее. И первая любовь не повторяется дважды... Когда-то Ольховскому казалось, что после первой любви вторая будет еще ярче... К сорока оказалось, что это не так.

Он иногда завидовал своему отцу: у отца Ольховский-младший появился, когда тому было уже сорок. Ему некогда было думать, нужно было растить сына, а не заниматься рефлексией.

У самого Сергея скорости были иные: Димка родился, когда Ольховскому только исполнилось двадцать два. Отца, правда, к тому времени уже не было в живых. Теперь сыну шел девятнадцатый год и помощь родителей, как казалось Димке, была ему ни к чему, так что у Ольховского появилась уйма времени на раздумья.

Поиски счастья разбились вдруг на какие-то локальные задачи. Говорят, что после сорока у мужчин на первом месте в списке приоритетов стоит работа... Ольховский с тоской думал о том, что у него вообще нет списка приоритетов.

Несколько лет назад, поздравляя с сорокалетием знакомого поэта, Ольховский написал ему: «Что, перешел на шепот?» Писал ухмыляясь. Теперь вот и сам... Счастья хотелось не меньше, чем раньше, но теперь оказалось, что оно уже было — он его просто не заметил.

* * *

Сергей, сполоснув кисточку, отъехал от стола. Размышлять о жизни и получать за это деньги когда-то было его мечтой. Мечта сбылась, причем вдвойне. Он сделался автором трех художественных книг, это принесло ему немного заработка и даже какую-то узнаваемость в литературных кругах. К тому же Сергей мог позволить себе праздные размышления, освоив профессию художника-миниатюриста: в то время как кисточка в его руках гладила крошечные фигурки, он мог часами думать о чем угодно.

Фигурки в его жизни появились совсем случайно. Сначала это было безобидным и разовым увлечением на один вечер. Жирно и не очень аккуратно он раскрасил купленного в ларьке на автобусной остановке рыцаря из белого металла. Мазнул белки на месте глаз, зубочисткой обозначил радужку. Тут же отданный сыну рыцарь потерялся среди других сыновних игрушек. Так случилось и со следующим, и с еще одним...

Это продолжалось около года. Ольховскому казалось, будто он заболел какой-то приятной болезнью, а потом случилось так, что он потерял работу. Издательство, где он работал верстальщиком, развалилось, причем сделало это внезапно, в одночасье. Никому и в голову не приходило готовить пути к отступлению. Получив расчет, Сергей решил взять паузу. Была зима, был не дописан роман, и деньги тоже были. С тех пор как Лена стала хорошо зарабатывать, денег в семье хватало. Семья даже приобрела подержанный «Форд-Фокус», но, повозившись с ним, Ольховский быстро разочаровался в автомобиле. Он почти не садился за руль, и основное бремя автомобилизма легло на Лену. Лена же и подкинула Сергею мысль о том, чтобы разместить в сети несколько работ на продажу.

Сделав так, как посоветовала жена, Ольховский посмеивался. А тем же вечером ему позвонил человек: его интересовали фигурки. Человек оказался доморощенным коллекционером оловянных армий. Было ему лет под шестьдесят. Тогда еще Сергей понятия не имел, какие деньги могут выкидывать люди на любимое хобби. Коллекционер отсчитал Ольховскому требуемую сумму, обернул салфеткой каждого рыцаря, попросил коробку. Потом предложил сотрудничать. Была зима, и был не дописан роман...

Весной, посчитав прибыль, Ольховский понял, что ему не обязательно снова становиться верстальщиком. В новой работе преобладали плюсы: не надо было куда-то ехать, появляться к девяти... Не было даже формального начальника. Несколько клиентов стали Ольховскому приятелями, с некоторыми он даже выпивал... Сергей, сполоснув кисточку, отъехал от стола. Входная дверь заскрежетала ключами — с работы вернулась Лена. Она зашелестела пакетами в коридоре, приговаривая то и дело:

— Фрося... Здравствуй, здравствуй, моя хорошая... Фрося! Ну Фрося...

Ольховский молчал. Сперва — собака! Ее чувства от прихода Лены, конечно, ярче, чем его.

— Ольховский, ну блин... — это уже ему.

Если пояснить Лениным языком, то выглядеть будет примерно так: «Я пришла с пакетами, ты меня не встречаешь, а собака когтями царапает мне ноги». Поэтому «ну блин».

Она знает, что Сергей все понял. В этом году их брак, как и Димка, отметил совершеннолетие.

— Иду. — Сергей встал из-за стола, сделал несколько шагов в коридор.

— На, я тебе рыбу купила.

Жена смотрела на него и морщилась. Под ногами вертелась кривоногая черная такса Фрося, изображая радость.

— Ты чего? — спросил Ольховский, принимая пакет.

— Да блин, натерла...

И он опять все понял. Вчера она купила новые туфли и сегодня этими туфлями натерла себе мозоль или несколько.

Лена села на табурет в коридоре, наклонилась к травмированной стопе, чем тут же воспользовалась собака. Встав на задние лапы и вытянув морду, лизнула хозяйку языком в самые губы.

— Тьфу... — вытерла губы Лена, смазывая помаду.

Собака забила гладким хвостом так, будто получила одобрение за поцелуй.

Лена прошлепала в комнату, на ходу снимая платье через голову. Глядя на нее, Ольховский вдруг подумал о том, что, оставаясь такой же плоской, как раньше, Лена раздается вширь. Задал себе вопрос: соблазнился бы он таким телом сейчас, если бы оно не принадлежало жене? Очевидного ответа не было. Было не стопроцентное «нет».

— Димасик сегодня девочку приведет, ты помнишь?

Лена бесстыдно стянула лифчик, продолжая глазами искать домашние брюки. Ольховский помнил то время, когда, снимая эту часть туалета, она прикрывала грудь локтями. Тогда это его раздражало. Теперь отношения вступили в другую крайность...

Еще лет пять назад он не мог равнодушно наблюдать за тем, как она раздевается. Все равно шлепнул бы по попе или шутиливо ущипнул коричневый сосок, но потом эта легкость, почти нежность их отношений стала куда-то исчезать, хотя внешне все оставалось по-прежнему. Разве что страсть случалась все реже и реже, даже при том, что их секс был относительно регулярным.

В какой-то момент у Ольховского наступило равнодушие к ее телу, и он был даже немного благодарен этому равнодушию: иногда на что-то надеяться гораздо хуже, чем просто махнуть рукой.

Замечательным было то, что Лену такое положение вещей даже не беспокоило. Его полунамеки были неправильно истолкованы — комплект нижнего белья, который Ольховский ей купил, она стала использовать по прямому назначению, продолжая ложиться в постель попеременно то в желтой пижаме, то в розовой...

— Ольховский, ты помнишь, что Димасик девочку приведет? Ты мне ответишь, а?

Предмет, вернее, предметы его раздумий, покачнувшись, скрылись под футболкой.

— А что ты хочешь услышать?

— Я хочу услышать, что тебе не все равно! — легко ответила Лена. На ее легкости вообще держался их брак — Лена не терпела долгие ссоры и быстро прощала обиды, поэтому обижать ее было скучно.

— Конечно не все равно! Я не хочу, чтобы он привел какую-нибудь толстую каракатицу.

— Я же тебе говорила, она хорошенькая! — Лена произнесла так, будто Сергей и вправду мог позабыть этот факт. А ведь нет! Тем более что приведи Димка каракатицу, Ольховский был бы разочарован.

Ему было не по себе оттого, что в его дом приходят чужие страсти, тем более страсти собственного сына. Он никому и никогда не признался бы в том, что просто завидовал Димке.

Страсти самого Ольховского с появлением денег переехали в публичный дом в двух кварталах отсюда. При всем многообразии чувств, которые он испытывал в связи с этим, по-настоящему тяготила его только необходимость лгать. Сначала он скрывался довольно тщательно: долго гулял после, выветривая посторонние запахи духов и сигаретного дыма. А потом Лена сама избавила его от вранья: она просто не слушала его объяснений и не интересовалась, где он был. Можно было, наверное, говорить как есть... Она бы только с рассеянным видом произнесла:

— Брось шмотки в стиралку...

Между Сергеем и Леной пролегли невидимые границы, которые супруги, крадучись, нарушали раза три-четыре в месяц. После, ощущая боком тесно прижимающееся к нему тяжелое тепло, Ольховскому недолго казалось, что с платным сексом покончено. Следующий же вечер оканчивался желтой или розовой пижамой. Послеледующий тоже... Через неделю-другую он набирал заученный уже номер, наплевав на деньги и брезгливость, и излишне бодрим голосом спрашивал администратора: «Здравствуйте, а кто из девчонок свободен? Я буду через полчаса».

— Алле, Ольховский... Ты там умер, что ли? — Лена провела ладонью у него перед глазами, близко заглянула в лицо.

— Да, — автоматически ответил он, думая уже о Димке.

Сыну шел девятнадцатый год, и к этому времени отношения с ним дали закономерную трещину. Как известно, трещин в отношениях нет только у тех, у кого нет и отношений... Опять же, возрастное — успокаивала оптимистичная жена. Ольховский кивал, зная про себя и Димку что-то еще. В свое время как-то похоже были сломаны отношения между ним и его отцом... Отец умер раньше, чем появилась нужда в примирении.

— Как ее зовут? — спросил Ольховский. Узнав ее имя, он готов был нарисовать ее образ — так у него всегда. Ему не нравились Наташи и Веры. Нравились — Вики и Юли. Лена видела ее

фотографии, ему же Димка не удосужился... Нет, постеснялся показать девушку.

— А-а, все же интересно? — возликовала жена. — Настя ее зовут.

С Настей было сложнее. Настя могла быть как длинноногой оторвой с узким прищуром татарских глаз, так и толстой неумехой, что, конечно, вряд ли... Ольховскому хотелось, чтобы сын влюблялся в достойных девушек, и оторва смотрелась предпочтительней...

— Что, Ольховский, интересно, какие девочки сыну нравятся? — наседала Лена. Как и всегда, ей было важно, чтобы Сергей подтвердил ее правоту.

— Мне кажется, это его дело, — равнодушно ответил он. Эмоциональным в семье должен быть кто-то один: если оба супруга взрывоопасны, возможна детонация.

— Как же, его... — проворчала она. — Тебе все равно, что ли, какие у тебя будут внуки?

— При чем тут внуки? Первая любовь и внуки — ха! Огромное расстояние!

— Да не у всех же... — кричала она из кухни, гремя чайником. Сергей пошел за ней.

— Себя вспомни... — Он любил этот аргумент. По признанию Лены, до него у Лены было пятеро мужчин. Наверное, это не так много, с каждым из них у нее были свои резоны... Но, в общем, Лена познавала жизнь достаточно активно, не думая ни о каких внуках для своей матери.

— Да, мы те еще были... — Лена любила обобщать. Он только улыбнулся. Потому что никаким «тем еще» не был.

Лена стояла у окна с бутербродом в руке, смотрела во двор и размышляла:

— Я боюсь. Ну, не боюсь, но побаиваюсь... Вдруг она хамка?

— Как хамка? — удивлялся он. — Ты же говорила, что хорошенькая?

— Ну уж хорошенькая не может быть хамкой, по-твоему?

— По-моему, нет, — миролюбиво ответил Ольховский. — Зачем хорошенькой быть еще и хамкой?

— А-а... — махнула Лена на него рукой, как бы обвиняя в инфантильности. Насыпала в чашку растворимого кофе. Залила кипятком.

А потом раздался телефонный звонок.

— Димасик! — бросилась тигрицей к своему телефону Лена. Взяла трубку, зачем-то повернулась к мужу спиной и прикрыла рот ладонью.

Ольховский снова усмехнулся. Внимательно помолчав, выслушивая гул на том конце, Лена замешкалась:

— Как-то я не была готова, Димитрий!

Трубка погудела еще, помолчав, продолжила, и Ольховский узнал по интонации знакомое сыновнее «ну мам».

— Ну Ди-има... — растягивала Лена в ответ. — Ну хорошо... Только чтобы она домой позвонила. При мне! — Она многозначительно обернулась к Ольховскому, сделав страшные глаза.

Он догадался. Димка сделал стратегически правильный ход: сначала подготовил мать к встрече с девушкой, а потом позвонил и сообщил, что девушка останется ночевать.

— Дождались? — веселился он, когда жена закончила разговор.

— Он сказал, что она останется... — задумчиво проговорила Лена, садясь на стул.

— А чего ты хотела? Все нормально!

— Ну как-то быстро...

— Где же быстро? Они уже месяца два встречаются.

— С начала марта... — эхом отозвалась жена.

— А уже конец мая! Что же тут удивительного?

— То есть ты не против? — наконец заговорила она человеческим голосом и глотнула из чашки.

— Нет. Как я могу быть против? Даже если и буду, то что?

— Да, — наконец согласилась она. — Надо вымыть туалет... — Перед приходом гостей Лена всегда моет туалет, даже если занималась этим накануне.

— Интересное умозаключение!

— И надо хоть купить чего-то к чаю... — продолжала она.

— К какому чаю? Они придут не за этим.

— Какой ты...

— Объективный.

Пока Лена, надев резиновые перчатки, драила туалет, он стоял в коридоре и размышлял:

— Все-таки хорошо, что у нас сын!

— Почему так? — доносилось до него.

— Потому что одно дело, когда сын водит вкусно пахнущих девочек, и совсем другое, когда дочь...

— Что — дочь? Я не поняла...

— Дочь водит парней с запахами несвежих носков и юношеского пота... С грязными волосами и побулькиванием незрелого тестостерона в крови.

— Ничего себе у тебя фантазия!

— Ну! — рассмеялся он.

— Это чего же ты таких страшных парней нафантазировал? — Лена даже подняла голову от туалетного пола. — Ты же вроде и волосы мыл...

— Да не очень-то! Ты просто не замечала.

— Может быть, — неожиданно согласилась она. — Но, вообще, у нас как-то не принято было домой парней таскать...

Ольховский вспомнил, как впервые попал к Лене домой. Вернее, вспомнил по ощущениям и никак не мог воссоздать в памяти подробности. Помнил раскрытые окна и много света. Полузасохшие растения в глиняных горшках. Тесноту в длинном коридоре и чай из чашки с отбитой ручкой. Ее квартира, наверное, была последним помещением из тех, где им случалось уединиться. Со стороны они вели себя целомудренно, но кто бы знал, что целомудренность эта была жутко неудобной. Он помнил, как для любви приходилось использовать последние этажи и черные лестницы.

Цветы жизни уже переступали порог, а Ольховский все тянул выходить из комнаты. Ему казалось, что, если он выскочит слишком рано, это может выглядеть невежливым любопытством. Теперь получалось почти наоборот — так, будто ему вообще наплевать.

— Проходи, — басил Димка, обращаясь к Насте. Настя не отвечала, сохраняя интригу.

— Мама, дай нам табуретку, — распорядился сын. Ольховский, обнаружив в себе позабытое волнение, поднялся из кресла, вместо «табуретку» на полмига услышав «таблетку»...

— Да вот сюда поставь... Садись! — это опять Насте.

Ольховский просунул голову в коридор. Даже сейчас это выглядело любопытством и ничем больше.

— Привет, папа... Настя, это мой папа. Папа, это Настя.

Ольховский как-то так себе все и представлял. Знакомство с девушкой сына. Настя повернула к Ольховскому лицо и тихо и четко ответила:

— Здравствуйте.

— Здравствуй, Настя, — ответил Ольховский, падая.

По крайней мере, так ему показалось. Земля ушла из-под ног, но вернулась так быстро, что он не успел даже покачнуться. Ощущение страха осталось. Он уже забыл, когда женщина производила на него такое впечатление.

— Настя, вот тапки! — суетилась Лена, подсовывая девочке гостевые шлепанцы.

Настя переобулась, и от ее босых стоп на полу коридора остались два влажных, исчезающих на глазах следа.

Сергей неумно потоптался на месте, но продолжал стоять.

Он бы огорчился, если бы Дима привел неопрятную толстуху. Сокрушался бы, если бы избранница была безвкусно одета. Но такого он предположить не мог. Дима привел совершенство, и это оказалось больше всего.

Ольховский даже не очень ее рассмотрел — он ее понял. Наследственность проявила себя неожиданно: сыну нравились те же женщины, что когда-то нравились и отцу...

Сын вел себя достойно. Взял, так сказать, ситуацию в мужские руки. Намеренно не таясь, достал из рюкзака бутылку вина. Подтолкнул Настю к своей комнате и закрыл дверь перед носом у любопытной Лены.

— Ого? — посмотрела она на Ольховского с надеждой на то, что он разделит ее удивление.

— А как ты хотела?

— Могли бы и без вина...

И он опять был вынужден напомнить ей, чем занимались они в этом возрасте. Тогда еще, правда, по отдельности.

Несколько лет назад Ольховский написал рассказ. Даже не рассказ — разминку. Все то лето он относился к литературе только как читатель. Рассказ-разминка назывался «Осень, которой не было». Рассказ о том, что, минуя какой-то возрастной рубеж, мужчина уже не замечает, как год сменяется годом, лето — осенью, и сама осень уже не так прекрасна, как когда-то... В целом — тоска и рефлексия, если бы не одно «но». Это правда! Банальная правда не становится менее правдивой от своей банальности. В рассказе герой мечтал о девочке-тайке или же таитянке — неважно. Девочка могла быть откуда угодно... Главное, чтобы она была молода и полна своих девичьих тайн, которыми могла бы поделиться. Тайкой же Сергей хотел видеть ее потому, что представлял, как они с девочкой будут раскладывать на песке найденные ею цветные камни, выброшенные прибоем.

Описывая все это, он проникся к девочке чувством. То время, которое он просидел за своим письменным столом, сочиняя тайку, Ольховский проводил далеко от дома, на том несуществующем пляже. Возвращаться ему не хотелось. Теперь же сын привел домой ту, которая по всем внешним данным подходила на роль

тайки. У нее вполне могли быть свои девичьи тайны. Ольховский не завидовал сыну — это было бы слишком. Ему было даже приятно, что у сына есть вкус и мужество иметь рядом с собой красавицу. Он не завидовал. Ему немножко жаль себя: сорок лет — это совсем не возраст... Он бы мог предложить этой Насте много чего, все что угодно, кроме молодости, хотя и отсутствие молодости не означает непременно приход старости. Есть зрелость, в конце концов... В том-то и дело, что зрелости у Ольховского нет! Есть все что угодно, кроме зрелости. Та же рефлексия, например. Зрелость — время, когда свои проблемы становятся выше проблем мироздания, считал он. Его, увы, еще волнует мироздание.

Через минуту Димка появился снова:

— Пап, дай мне штопор!

— Дима, дай мне штопор, — передразнил его Сергей. Сын понял абсурдность просьбы и удалился на кухню.

К сожалению, он даже не спросит, понравилась ли отцу девушка, которую он привел ночевать. Ольховский бы по-дружески показал Димке большой палец. Но нет — скорее всего, Димка будет потом шушукаться с матерью, взяв с нее слово «ни за что не говорить отцу». Лена, естественно, слова не сдержит, но Димка не узнает об этом. В передаче информации случился сбой — Ольховскому хотелось бы напрямую.

— Может, вам сосисок сварить? — беспомощно спрашивает Лена.

— Не надо! — грубовато отрезает сын, так, будто сосиски унижают его мужское достоинство.

В его комнату хлопает дверь.

— Ну и как тебе? — Лена спросила шепотом, многозначительно кивнув головой в сторону детской комнаты.

— Вполне, — обронил Ольховский.

— Ольховский, ну почему ты молчишь?

— Я же сказал — вполне!

— И всё? Правда ведь хорошенькая?

— Да чего уж там, просто красавица. Я завидую!

— Дурак, — как на неудачную шутку огрызнулась Лена, хотя Ольховский и сказал чистую правду.

— Димусик с ней такой взрослый, да? — Жена хотела живых обсуждений и не знала, с чего начать.

— Он будет еще взрослей, если ты перестанешь называть его Димусиком.

— Он мой сын! Слушай, Ольховский... — Она вздохнула и замолчала.

— Ну? — подбодрил он Лену.

— Ну, слушай, — начала Лена вкрадчиво. — Как ты думаешь, у них уже было?

Она склонила голову и по-птичьи, внимательно посмотрела на мужа.

— Лена... — Ольховский засмеялся и задумался. Ему и в голову бы не пришло, что этот разговор может быть ему неприятен.

— Я не знаю, — честно ответил он. Одна за одной в мозгу генерировались какие-то жуткие параллели. Он всегда любил своих друзей, но тяжело переживал, если их жены были привлекательными: тогда гнусную работу начинала фантазия. Ничего поделать с ней Ольховский не мог. Вот и сейчас с ним происходило что-то подобное, то, о чем он не мог поведать даже Лене.

Она, в свою очередь, тоже молчала, хотя лицо ее выражало напряженную работу мыслей.

— Лена, ну какая разница?

— Разница? Да я думаю, как ему лишний раз напомнить... — Она даже не знала, как произнести очевидные вещи применительно к Димке.

— О чем напомнить?

— О презервативах, — выпалила она и как будто покраснела.

— Я как-то не думал... — Будь у него в семье другие порядки, он в шуточной, осторожной форме намекнул бы сыну на эту важную мелочь, пусть даже для очистки совести. Но секс в семье — не